

МИФ КАК СРЕДСТВО МАНИПУЛИРОВАНИЯ «ЧЕЛОВЕКОМ-МАССОЙ»

Е. В. Даринская

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 25 ноября 2008 г.

Аннотация: в статье предпринимается попытка рассмотрения проблемы возникновения такого феномена, как «человек-масса». Анализируются причины возрождения мифологических составляющих в современном социальном пространстве.

Ключевые слова: миф, общество, человек-масса, толпа.

Abstract: the paper is an attempt at analyzing the genesis of the so-called «mass-man» phenomenon. Reasons of reviving the mythical component in contemporary social environment are revealed.

Key words: myth, society, mass-man, crowd.

Ушедший XX век не столь далеко отстоит от времени настоящего, чтобы, следуя принципу «большое можно оценить лишь на расстоянии», с уверенностью очертить панораму недавнего прошлого. Однако возникшая в канун XXI в. проблема выбора жизненных стратегий современного человечества заставляет снова и снова обращаться к анализу событий прошлого столетия, закладывающих определенные тенденции цивилизационного развития, имеющие решающее значение для настоящего. На рубеже эпох эти тенденции приобретают отчетливо выраженные черты, которые настойчиво требуют своего понимания и осмысления.

К. Манхейм в работе «Эссе о социологии культуры» отмечает, что «... для современного общества характерен тип человека, обладающего чертами Протея, вечно переступающего установленные границы и обретающего новый облик, всегда движимого прежде всего мотивами обновления и изменения» [1, с. 94]. Но XX в., столь богатый на социальные потрясения и катастрофы, все чаще создавал ситуации, когда человек оказывался выброшен из привычной ему системы социальных связей и отношений и был ввергнут в своего рода социальную пропасть. Такое «падение в бездну» было детально описано еще французским «отцом» социологии Э. Дюркгеймом, обозначившим это состояние как аномию или «общее состояние дезорганизации» [2, с. 238]. Наиболее трагичный выход из нее — самоубийство — и был предметом анализа в его одноименной работе. Другие пути требуют неустанной работы духа, когда человек вынужден заново возводить собственное социальное бытие, формируя новые социальные связи, включаясь в новые социальные группы.

Однако человеку в данных условиях был предоставлен и иной, обходной путь обретения

заново его социального и бытийного пространства — его мифологизация. Не потому, что этот путь не требовал духовных усилий, затрат, напротив, потому, что всякая работа духа на этом пути оказывалась излишней. Вместо созидания своего бытия человек все чаще становился потребителем готового продукта, новой технологии, новой социальной реальности, которая услужливо предоставлялась мифом.

Возможность находить смысл собственной жизни в мифе оказалась чрезвычайно привлекательной. При этом справедливости ради следует признать, что вся интеллектуальная и культурная эволюция человека была бессильной перед лицом чаяний и надежд, обретающих искусственное удовлетворение в мифе, создающем за счет тотальности мечты представление об устроенности и предсказуемости бытия. Дело еще и в том, что сама технология создания современных мифов позволяла достаточно быстро придать искусственно созданной социальной реальности иллюзию онтологической глубины, «связи с корнями». При этом индивидуальное сознание переставало быть «несчастливым сознанием» и вплеталось в сеть действующих, порой взаимоисключающих наличных культурных ценностей и форм общественного регулирования. Но миф, с его неудержимой претензией на всеобщность, лишал человека тайны личностного бытия, устраняя самое сокровенное изменение личности — свободу, а также представал как инструмент конструирования социальной реальности. В таком виде миф обращен, разумеется, не к личности, но к стандартизированному, унифицированному человеку, описанному еще в первой половине XX в. как «человек-масса».

Появление социального феномена массы произошло в XVII—XVIII вв. в эпоху первых европейских промышленных революций. Машинная индустриальная цивилизация вывела массы на историческую сцену и превратила их в главную

производительную силу общества. С этого момента западная цивилизация пошла по пути замещения личностных структур человека «безлюдными» технологиями. Машинное общество все больше требовало замены человека деперсонифицированной «рабочей силой».

Уже первые десятилетия XX в. придали особую остроту проблеме «массовости» как главной характеристики общественной и индивидуальной жизни. Идеи «просвещенного» века не оправдали надежд, возложенных на научно-технический прогресс. Последний не только не обеспечил расширения человеческой свободы и роста сознательно-го участия в историческом процессе, но, напротив, сузил ее, ввергнув человека в социальную иррациональность. Сложная социальная реальность чрезвычайно усложнилась и требовала нового глубокого осмысления. Однако общество не только не содействовало человеку в решении этой задачи, но еще больше уводило его от действительной проблемности, подсовывая ему образы вымышленных врагов и друзей. С помощью определенных методов манипулирования сознанием, через средства массовой информации мышление стандартизировалось, усваивались «нужные» мифы, создавался тип личности с «усредненным» сознанием.

Традиция анализа «массового человека» начинается с испанского философа Х. Ортега-и-Гассета, который в начале 20-х гг. ввел термин «человек-масса». Одна из первых его работ «Восстание масс» описывает новый тип человека как потерявшего привычку самостоятельно оценивать собственную жизненную ситуацию, руководствующегося общепринятыми и привнесенными извне социальными стандартами. Иными словами, главной чертой в портрете «человека-массы» является потеря собственной системы убеждений, чувства ответственности и моральной требовательности к себе, жить для него «...это плыть по течению, оставаясь таким, каков ни на есть, и не силясь перерастить себя» [3, с. 46]. Все основополагающие жизненные ориентиры заданы ему исключительно внешними факторами. Причем появление человека нового типа оказалось вовсе не случайным продуктом развития европейской цивилизации, но его вполне закономерным и предсказуемым результатом. Путь развития европейской цивилизации был сопряжен с абсолютизацией рационалистического типа мышления в том его виде, который подходит к пониманию мира как реальности, безразличной к человеку, к мертвому механизму, подлежащему бесконечным экспериментам и произвольным преобразованиям. Человек полагал, что мир подлежит неограниченному преобразованию в соответствии с его потребностями. Сам человек не стал исключением из этого экспериментального поля, где

он — всегда в застывшем, ставшем виде. Техногенный подход, установившийся в науках, в том числе науках о человеке, превращал их, скорее, в науки о технологии управления человеком, чем в подлинное живое знание о сложной человеческой реальности. Кроме того, техногенная цивилизация как цивилизация комфорта вооружала человека технически, но разоружала духовно. Тем самым формировалось общество, «затерянное в изобилии», господствующее над природой, но не являющееся хозяином самого себя, общество, лишенное ясных целей, пребывающее в состоянии бессмысленного дрейфа. Не случайно, что это общество вызвало к жизни соответствующий тип человека, лишенного жизненных целей и чувства личной ответственности.

В обществе нового типа, «обществе потребления» масса эволюционировала в толпу. Несмотря на то, что в современной социальной науке существует традиция их полного отождествления, нам более продуктивной кажется позиция, обосновывающая их качественное различие. Толпа, в отличие от массы, имеющей своего антипода в образе элиты, есть полное поглощение всякого различия индивидов, принципиально не способных к структурированию, упорядочиванию. Качественное их различие состоит в том, что масса в классическом понимании есть совокупность посредственных людей, не способных к самостоятельному производству внутренней четкой позиции. В то время как толпа вовсе не исключает людей неординарных, с глубокими духовными потребностями, которые, однако, они не способны адекватно удовлетворить по причине того, что сама окружающая их социальная среда разорвана, хаотична, бесструктурна. В таком типе социальной реальности аномия не просто носит характер кризисного этапа в жизни общества, но приобретает абсолютный характер, заключающийся в том, что все социальные границы и культурные нормы стираются. А гигантские темпы социокультурных изменений проходят сквозь индивида, не затрагивая его глубинных жизненных ориентиров. Состояние растерянности, переживание отчужденности вынуждает человека искать иные способы удовлетворения своей экзистенциальной потребности в упорядоченном мире. Здесь в полном объеме раскрываются мифотворческие возможности. Миф втягивает отчужденных людей в свое поле, порождая иллюзию социальной сопричастности. Таким образом, с помощью мифа «аномичное общество» искусственно структурирует свое социальное пространство. При этом сам миф предстает не особой социокультурной формой, а значительной манипулятивной практикой, удовлетворяющей не реальные, а искусственно навязан-

ные потребности и желания. К тому же оказывается одновременно и чрезвычайно эффективным средством жесткого социального контроля. Мифологизированная среда навязывает человеку необходимость соотносить свои действия с определенными стандартизированными образцами поведения. Соединяясь с возможностями современных политтехнологий, миф начисто лишается того романтического ореола, которым его наделяли, вслед за Шеллингом и Шлейермахером европейские мыслители. Он перестает быть живым элементом человеческой духовной жизни, и в первую очередь искусства, выявляющего абсолютное в ограниченном без утраты самой абсолютности. А мифотворец уже не есть поэт в духе антропологической школы Э. Тайлора.

Следует заметить, что действенная, живая связь современного человека с миром оказалась разорванной. «Завершенный», «застывший» человек не соразмерен открытой реальности, которая для него теперь столь же закрыта, как и он для нее. По мнению испанского философа Х. Ортеги-и-Гассета, вместо реальной жизни человека, связанного нерасторжимым образом с родственным ему миром, мы видим шаблонную деталь, функционирующую в чуждом ему обществе. Человеческое бытие для данного мыслителя всегда обусловлено стремлением человека наложить на окружающий мир собственно человеческие смыслы, совершая, таким образом, его освоение и при-своение. Тем самым создается мир, соответствующий жизненному проекту человека. Однако общественные отношения, будучи частью внешнего по отношению к человеку мира, потенциально способны придать и самому человеку застывшее состояние, отнимая у него тем самым его собственно человеческое качество. Социальное как таковое Х. Ортега-и-Гассет описывает как нечто анонимное, владеющее механизмами принуждения и подавления человека. Отстаивание тайны своего личностного бытия всегда сопряжено с героизмом, который, по мнению философа, требует неустанной работы духа. По его мнению, «быть человеком — значит быть жизненной задачей, грозным, рискованным приключением на грани самого человеческого бытия» [4, с. 490].

Героизм нынешнего дня чаще проявляется в том, что человек вытесняет из своего личностно-

го пространства те пласты его «Я», которые оказались поработаны социальной реальностью. Единственный адекватный выход из этой ситуации видится лишь в том, чтобы сознательно признать и принять подобное раздвоение, ибо от социальности, пронизывающей всю жизнь человека, избавиться невозможно. Немногим позднее М. Фуко сформулирует тезис о трансформированной власти без центра и ядра, власти неуловимой и расплывчатой. Уйти из-под ее вездесущего контроля может только носитель расколотого, разорванного сознания или «свободный шиз». Как пишет И. П. Ильин: «...подлинно свободный индивид — «шизо», деконструированный субъект — порождает себя как свободного человека, лишённого ответственности, одинокого и радостного, способного, наконец, сказать и сделать нечто просто от своего имени, не спрашивая на то разрешения; это желание, не испытывающее ни в чем нужды, поток, преодолевающий барьеры и коды, имя, не обозначающее больше какое-либо “это”». Он просто перестал бояться сойти с ума» [5, с. 111]. Далее автор уточняет, что это есть поведение лица, сознательно отвергающего каноны общества в угоду своим естественным желаниям, своему бессознательному. Сомнительно, что такая позиция подходит для всех. Однако проблема потери доверия к существующему обществу ставит человека перед необходимостью выбора своей жизненной позиции, сопряженного с мучительным чувством ответственности, с умением отделить собственные ценностные установки от умело навязанных, создающих иллюзию причастности к миру, истории, социуму.

ЛИТЕРАТУРА

1. Манхейм К. Эссе о социологии культуры / К. Манхейм // Избранное : социология культуры. — М. ; СПб. : Университетская книга, 2000. — С. 7—233.
2. Дюркгейм Э. Самоубийство : социологический этюд / Э. Дюркгейм. — М. : Мысль, 1994. — 399 с.
3. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет // Избранные труды. — М. : Весь мир, 2000. — С. 43—163.
4. Ортега-и-Гассет Х. Человек и люди / Х. Ортега-и-Гассет // Избранные труды. — М. : Весь мир, 2000. — С. 480—698.
5. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И. П. Ильин. — М. : Интрада, 1996. — 256 с.

*Воронежский государственный университет
Даринская Е. В., преподаватель кафедры истории
философии, факультета философии и психологии
darinskaya@nm.ru
Тел.: (4732) 76-66-04; 8-920-225-06-43*

*Voronezh State University
Darinskaya E. V., Lecturer of History of Philosophy
Chair, Faculty Philosophy and Psychology
darinskaya@nm.ru
Tel.: (4732) 76-66-04; 8-920-225-06-43*